

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации Нагапетян Карины
Жирайровны «Языковое бытие и исторические метаморфозы
миропроговаривания русской культуры», представленной на соискание
учёной степени кандидата философских наук по специальности
09.00.13 – философская антропология, философия культуры
(философские науки)**

Диссертация Карины Жирайровны Нагапетян посвящена изучению такой формы бытия культуры как языковая реальность, сущность которой разыскивается в историческом становлении нарративов русской культуры. Актуальность обращения к теме языкового осмысления бытия определена глобальными масштабами коррективов, вносимых цивилизацией в культуру вообще и в язык в частности. Философское понимание языковой реальности требуется не только в качестве служебной задачи постижения общественного бытия, но и для рефлексии границ и способов собственного существования. Вместе с тем алармистское настроение вызывает вольное обращение с языком, когда предпочтение отдается визуальному образу в культуре, что упрочняет своевременность и вневременность поставленной проблемы.

Основную проблему своего исследования диссертантка видит в дифференциации дальнейшей концептуализации языковой реальности в морфологии культуры посредством сравнительного изучения исторических вариантов миропроговаривания конкретно в русской культуре. Автор предпринимает попытку установить предельные основания языкового бытия русской культуры, для чего решает проследить связи между языком и мышлением, чувственным и символическим, что буквально подводит к постановке основного вопроса философии в данной работе. Кроме того Карина Жирайровна единовременно намеревается обосновать динамизм и становящийся характер русской языковой реальности с помощью анализа ядерных структур миропроговаривания.

Уходящая в прошлое история вопроса и достаточно мощная проработанность указывают на неиссякаемую и многостороннюю сложность избранной темы, которая, как отмечает автор, тем не менее, не исчерпана и не приобрела целостности в теоретическом объяснении метаморфоз языковой реальности, не говоря уже о русской языковой реальности.

В обозначенных условиях текст диссертационного исследования составил 145 страниц компьютерной верстки, включающих введение, 2 главы по 3 и 4 параграфа соответственно, заключение и библиографический список, насчитывающий 185 наименований.

В главе **«Языковая реальность как форма бытия мировоззрения в культуре»** прослеживается генетическая связь этнической и языковой картин мира, восходящих к культурной картине мира как отражению реальности. Дается определение языковой картины мира, сущностными чертами которой выступают коллективность, отражение в языке, концептуальность (с. 13). С помощью этого становится возможным обращение к иному способу конструирования мировоззрения, в котором уровни мироощущения и мировосприятия заменены миропроговариванием, что обосновывается промежуточностью языка в ряду действительности и сознания. Язык одновременно выступает в качестве и технического средства упорядочивания мира, и детерминанта мировоззрения. Утверждается, что поскольку мировоззренческие представления в момент появления человеческой культуры носят коммуникативно спонтанный и стихийный характер, постольку зрелое восприятие языковой картины мира осознано, дифференцировано, предопределено в сложившейся культуре, что наглядно демонстрирует диалектику мировоззрения. Но тем не менее, соглашаясь с предшествующей традицией понимания языка как изыскания знаков для вещей, открытие мира в словах, предыстолкованности мира, автор обнаруживает собственную метафизическую позицию во взгляде на сущность языковой картины мира.

Отдельными аспектами существования языковой картины мира Карина Жирайровна считает, во-первых, оформление концептов, отображающих самобытность и уникальность мировоззрения, что закономерно подводит к идее языковой реальности, во-вторых, языковое, а следовательно, культурное осмысление бытия позволяет категоризировать его исторические и социальные проявления через понятие языковой общности, и в-третьих, сопряжение языковой реальности с языковой общностью разрешается идеей языковых оснований культурогенеза. Языковой модусбытия культуры ограничивает языковую реальность, взятую как миропроговаривание, актуализирующее формирование мировоззрения (с. 24), и определяет языковую общность как группу людей, объединенную между собой посредством определенного набора концептов языка (с. 27).

Тезис о языковой общности аргументируется разными типами социальных отношений (этнос, класс) и идентификаций (поколение). Диссертантка усматривает в философском анализе языка ключ к устройству и закономерностям общественного и культурного бытия.

В параграфе **«Чувственное и символическое в языковой реальности»** отражено как диалектика материального и идеального определяет координаты пространства взаимодействия физического и символического модусов языковой реальности. Отталкиваясь от понимания символа как концепта, выражающего сущность явлений объективного мира посредством миропроговаривания-миропонимания (с.35), Карина Жирайровна сводит его функциональную нагрузку до «вербально-понятийной сетки», формообразующего «каркаса», который возводит объективную реальность до необходимого абстрактного, знакового уровня. Символическое начало в языковой реальности, таким образом, происходит от человека, бога или другого свободно мыслящего существа, а следовательно, вариативно, непостоянно, разнородно и поэтому может быть источником разнообразия культур.

Физическое, в свою очередь, играет роль содержательного начала и предметного наполнения языковой реальности, а значит нуждается в субъектном отношении, закреплённом в целостном восприятии дискретных объектов, из которых состоит действительность. По мнению автора, это достигается за счет способности языковых знаков напрямую отражать, называть чувственные объекты внешнего мира (с.37), что в современной культуре доведено до крайности, когда языковая реальность воспринимается не в полноте физического выражения, как звучащая и слышимая речь или осязаемая и пространственно-организованная письменность, а только как плоско зримый и считываемый текст и нарратив. Диссертантка подчеркивает, что языковая реальность ощутимо трансформирует чувственный образ в знаковую систему, превосходящую действительность, и называет такую трансформацию вслед за традицией бытийственностью слова, священнодействием языка, семиотичностью языковой реальности, но думается, это довод в пользу гиперреалистичности языка, чем реалистичности.

Такая экспликация языковой реальности в сущности предоставляет ей статус автономного аналога физического мира, реальности особого рода, в которой концепты получают собственное бытие (с.43), прячущее и скрывающее вещи. Карина Жирайровна описывает мир, где язык оказывается в ситуации, когда он вполне сформировался и свободен от человека и даже сможет бытийствовать после человека, которому за собственной ненужностью только и остается фразёрство, плетение словес и «языковые игры». Причем обыденная и повседневная жизнь может быть несостоятельной и обеднённой без надлежащей языковой оснащённости и компетентности, а построение научной картины мира и вовсе невозможным. Особую напряженность такому положению придает самоуверенность субъекта, в полной мере овладевшего языком, ориентирующегося в языковой реальности и убеждённого в собственном всемогуществе, своего рода

«сверхфилолога», изошренного, одарённого и умеющего изыскать необходимое слово.

Третий параграф **«Языковой каркас современной научной картины мира»** заостряет внимание на науке, находящейся на уровне миропонимания, и следовательно, достигшей широких возможностей в миропроговаривании. Автор справедливо отмечает, что языковая картина мира коррелирует с научной, однако именно в науке часто назревают ситуации культурного лага, в условиях которых языковое наименование отстает от инновационной деятельности ученого. Тёмные места и языковая неадекватность сигнализируют не об онтологическом пробеле, но скорее о гносеологическом, когда вне языка невозможно осмысление существования абстрактных объектов (с.54). Таким образом, смена объясняющих парадигм во многом обусловлена постепенным преобладанием вербального восприятия над чувственным и как отмечает диссертантка, новая научная картина мира сформирована на модификации уже имеющегося языкового каркаса (с.61). В финале параграфа с помощью проблематизации языкового каркаса вновь репрезентируется общая гипотеза о возможности замены ступеней мироощущения и мировосприятия единым актом миропроговаривания, так как в научной картине мира с помощью языкового каркаса выражается онтологическая проблематика.

Вторая глава **«Исторические метаморфозы миропонимания в русской культуре»** выступает в качестве апробации разработанной в первой главе методологии по построению горизонтальной (исторической) модели мировоззрения на примере конкретно русской культуры. Автор избирает некоторые русские «временные механизмы» (с.63): фольклор, религиозную философию, коммунистическую идеологию, бренды – которые предположительно выступают в роли парадигм, наглядно представляющих установки русской культуры.

В параграфе **«Мирозидание в онтологической структуре русского фольклора»** проанализирована первостепенная роль слова в осознании

бытия человека благодаря диалогу между фольклором и философией, который освещает этические понятия (добра и зла, любви) (с.74) и онтологические понятия (бытия и небытия, пространства и времени) (с.80).

Далее понятие любовь в параграфе **«Любовь в русской религиозной философии»** выступает соединительным звеном в развитии миропонимания русской культуры, прежде всего, потому, что её концептуализация становится краеугольным камнем творчества большинства русских философов (В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, П.А. Флоренского и др.). Языковая семантика любви в русской культуре трактуется автором как подчеркнута этнокультурная.

Параграф **«Расчистка культурного сознания в языковом мире русского коммунизма»** призван дать представление о поворотном моменте в миропроговаривании русской культуры, так как автор выявляет радикальное изменение семантической системы, вызванное искусственным и санкционированным вмешательством в языковую реальность со стороны идеологии. Карина Жирайровна обосновывает своего рода нарушение герметичности языковой реальности и переход к состоянию открытости, в условиях которого язык одновременно испытывает интернациональное влияние и защищается ревнителями чистоты. Последствия экспериментирования с языком привели к появлению советизмов, определенных диссертанткой как идеологические концепты (с.103), а также к размыканию модели миропроговаривания-миропонимания.

Схема миропроговаривания-миропонимания окончательно опрокидывается с появлением феномена бренда, всецело зависящего от языковой реальности. В заключительном параграфе **«Сакрализация бренда в современной русской культуре»** автор приходит к выводу о захватнической природе бренда в культуре, на что указывает интенсивная языковая симуляция. Слова, как считает Карина Жирайровна начинают свое собственное бытие, выражающееся в замене смысла, а не создания новых слов для вещей. Бренд как слово порожден не вещью, а языковой

реальностью, но сам существует как вещь. Человек, обращаясь со словами как с предметами, признает их реальность и это отбрасывает его на периферию бытия. Автор определяет бренд как систему символов, мифов, легенд, ядро симуляции сакрального в русской культуре, которая осуществляется через миропроговаривание-миропонимание (с.122).

Проведенное исследование позволило Нагапетян К. Ж. заново переосмыслить готовые схемы мировоззрения и даже попытаться трансформировать существующие модели. Сконструирована вертикальная структура мировоззрения, предполагающая связь между языковой общностью и языковой реальностью, и горизонтальная – предусматривающая временное его устройство посредством миропроговаривания-миропонимания. Несомненным успехом можно считать своеобразный социальный подход к проблеме миропроговаривания. Индуктивное и междисциплинарное исследование существования языковой реальности построено как эффективная методологическая программа. Наконец, очевидным достоинством работы выступает обращение к теме бренда, обозначившей для языка переход от потенциальной проблематичности к актуальной. Бренд описан как некоторый симптом ограничения языковой культуротворческой функции человека, его бессилия перед симулякрами. Предваряя оценку проведенного исследования, следует отметить четкую авторскую позицию, выражающую одновременно и консервативную обеспокоенность профанацией русского языка и убежденность в его непреодолимой бытийственности и действенности.

Однако столь значительный предмет исследования не может не встретить некоторые замечания и вызвать вопросы:

1. В диссертации различными способами репрезентированы метаморфозы русской языковой реальности от фольклора до имени бренда. Очевидно, что включить в исследование все языковые проявления русской культуры не представляется возможным, однако, автор не поясняет, чем оправдан выбор именно указанных временных и социальных пластов. Автор

обходит молчанием русскую литературу, которая наиболее отчетливо проявляет специфику русской культуры.

2. Девальвация языка в культуре может означать как сужение мира для человека, так и благоприятную возможность для поиска новой формы или реальности культуры, в которой постязыковые знаки будут способствовать наднациональному глобальному видению, интенсивному постижению мира и человека. С визуальным поворотом в современной культуре язык начинает восприниматься как намёк, интерфейс, маскирующий и предыстолковывающий реальность. Напрашивается вопрос: не назрела ли ситуация преодоления и отказа от языка, в которой культура стала бы «изъясняться семенами пшеницы, дождевыми каплями на женском лице, телеобразами хлебов и рыб, аудиовизуальными средствами для любви человека» (Х. Кортасар)?

3. Если принять, что субъективный образ мира наряду с объективным является мерой его проговаривания и зависят от национальной специфики, то возможно ли миропонимание у субъекта безотносительно к языковой общности? У полиглота оно шире и глубже? А у космополита?

4. Во втором параграфе первой главы Карина Жирайровна размышляет о прямом отражении чувственного опыта в языке (с. 37), по-видимому, опыт, имеющий духовную природу будет не напрямую отражаться в языке, что может указывать его своеобразный изъян, непроговариваемость. Не сужает ли таким образом языковая реальность диапазон наших чувств? Или тот, кто овладел языком чувствует тоньше?

5. В обосновании модели миропроговаривания-миропонимания Карина Жирайровна называет систему чистых значимостей языка концептами (с. 21), а те в свою очередь сводятся к лексике. Автор утверждает, что овладение чужим языком, конкретно лексикой, дает индивиду знание о картине мира данной языковой общности (с. 24). Не передает ли нам больше знания о языковой общности и соответствующей языковой реальности грамматика или морфология языка, нежели лексика?

б. Автор утверждает, что русская языковая реальность изначально имела способность к телесному бытию (с.43); хочется прояснить, что понимается под этой способностью и если она присуща изначально, сохраняется ли она во всех рассматриваемых исторических эпохах?

Несмотря на сделанные замечания и вопросы исследование остается оригинальным и законченным. Работа Карины Жирайровны обладает внутренним единством, выполнена профессионально и является научным исследованием, обладающим научной новизной и теоретической и практической значимостью. В целом диссертационное исследование Нагапетян Карины Жирайровны «Языковое бытие и исторические метаморфозы миропроговаривания русской культуры» является научно-квалификационной работой, отвечающей требованиям, представленным в «Положении о присуждении ученых степеней», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертации заслуживает присвоения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия»
16.03.2016

Иванова А.В.

Иванова Антонина Владимировна
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия»
644080, г. Омск, проспект Мира 5. Тел. + 7 (3812) 65-33-54
nevedenie@gmail.com